

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

*ИНСТИНКТ
И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Карл Юнг

Инстинкт и бессознательное

«Издательство АСТ»

1916-1948

УДК 159.9
ББК 88.3

Юнг К. Г.

Инстинкт и бессознательное / К. Г. Юнг — «Издательство АСТ»,
1916-1948 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-160050-1

Карл Густав Юнг (1875–1961) — швейцарский психолог, психотерапевт, философ, социолог и культуролог — один из выдающихся ученых XX столетия, ученик Зигмунда Фрейда, основоположник аналитической психологии и психотерапии, основатель и президент Швейцарского общества практической психологии. В настоящем сборнике представлены работы, которые знакомят читателя с фундаментальными теоретическими положениями и основными рабочими гипотезами автора. В этих работах Юнг излагает свои идеи о психической энергии и трансцендентной функции, об инстинктах и бессознательном, представляет обзор теории комплексов и оригинальную концепцию либидо. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-160050-1

© Юнг К. Г., 1916-1948
© Издательство АСТ, 1916-1948

Содержание

О психической энергии	6
I. Общие замечания об энергетической точке зрения в психологии	7
А. Введение	7
В. Возможность количественных измерений в психологии	8
а) Субъективная система ценностей	11
б) Объективная оценка количества	12
II. Применение энергетической точки зрения	15
А. Психологическое понятие энергии	15
В. Сохранение энергии	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карл Густав Юнг

Инстинкт и бессознательное

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого В. Желнинова

Серийное оформление А. Фереца, Е. Фереца

Печатается с разрешения Paul & Peter Fritz Agency.

© Walter Verlag AG, Olten, 1971

© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

О психической энергии

Впервые опубликовано под названием «О психической энергии» (серия психологических исследований, Цюрих, 1928). Позднее Юнг переработал текст и выпустил его в сборнике под названием «О психической энергии и сущности сновидений» (Цюрих, 1948, в той же издательской серии психологических исследований).

І. Общие замечания об энергетической точке зрения в психологии

А. Введение

[1] Концепция либидо, разработанная мною¹, вызвала множество неверных истолкований, а в ряде случаев было отмечено полное ее неприятие; поэтому, полагаю, не будет лишним снова изучить и описать основания этой концепции.

[2] Общеизвестно, что события физического свойства могут быть рассмотрены двумя способами – с механистической и энергетической точек зрения². Механистическая точка зрения сугубо каузальна, она толкует событие как следствие некой причины: неизменные субстанции изменяют свои взаимоотношения согласно твердо установленным законам.

[3] Энергетическая точка зрения, с другой стороны, является по сути финалистской³; событие прослеживается от следствия к причине, исходя из допущения, что некая разновидность энергии лежит в основе всех изменений, что она сохраняется как некая константа на всем протяжении этих изменений и в конечном счете ведет к энтропии, то есть к состоянию общего равновесия. Поток энергии имеет выраженное направление (цель), поскольку он следует градиенту потенциала, который нельзя изменить на противоположный. Рассуждая об энергии, мы не мыслим субстанцию, приводимую в движение в пространстве; это понятие абстрагировано от отношений движения. Поэтому данное понятие опирается не на субстанции как таковые, а на их отношения, тогда как сама движущаяся субстанция есть основа механистического взгляда.

[4] Обе точки зрения необходимы для понимания физических явлений и, следовательно, считаются общепризнанными. Между тем сосуществование этих точек зрения на протяжении длительного времени постепенно привело к возникновению третьей в ряду подобных идей, к концепции одновременно механистической и энергетической (пусть, рассуждая логически, движение от причины к следствию, поступательное воздействие причины, не может в то же время выступать в качестве обратного подбора средств, необходимых для достижения цели⁴). Невозможно вообразить, чтобы одна и та же комбинация событий могла одновременно быть каузальной и финальной, поскольку одна детерминация исключает другую. Фактически налицо две различные точки зрения, обратные друг другу, поскольку принцип финальности представ-

¹ См.: *Wandlungen und Symbole der Libido*, p. 120 и далее (новое издание: *Symbole der Wandlung*, абз. 190 и далее). [Рус. пер. – Юнг К. Г. Символы трансформации. М., 2008. – *Ред.*] – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. автора.*

² Ср.: *Wundt. Grundzüge der physiologischen Psychologie*, III, 692. [Рус. пер. – Вундт В. Основания физиологической психологии. Т. 1–2. СПб., 1880–1881; см. также раздел «Библиография» в конце книги. – *Ред.*] Что касается динамистической точки зрения, см.: *Von Hartmann. Weltanschauung der modernen Physik*, p. 202 и далее.

³ Я употребляю слово «финалистский», а не «телеологический» для того, чтобы избежать неправильного понимания, распространенного в широком представлении о телеологии: речь об убеждении, будто телеология обязательно подразумевает превосходящую цель или результат.

⁴ «Финальные причины и механические причины взаимно исключают друг друга, ибо функция, имеющая одно значение, не может в то же самое время быть функцией со многими значениями» (*Wundt*, 1902, p. 728). Мне представляется недопустимым говорить о «финальных причинах», поскольку перед нами гибридное понятие, порожденное смешением каузальной и финалистской точек зрения. Для Вундта каузальная последовательность имеет два условия и одно значение, то есть причину М и следствие Е, тогда как финальная последовательность имеет три условия и несколько значений, то есть постановку цели А, средство М и достижение цели Е'. Эта конструкция, на мой взгляд, также является гибридной, ведь постановка цели есть каузально понимаемое дополнение реальной финальной последовательности М'—Е', которая точно так же обладает двумя условиями и одним значением. Если толковать финалистскую точку зрения как всего-навсего обратную каузальной (Вундт), последовательность М'—Е' будет не более чем каузальной последовательностью М—Е, рассматриваемой в обратной перспективе. Принцип финальности не признает никакой исходной причины, поскольку финалистская точка зрения не является каузальной и, следовательно, лишена представления о причине, а каузальная точка зрения лишена представления о цели или о желаемом результате.

ляет собой логическую инверсию принципа каузальности. Финальность не просто логически возможна; она выступает как необходимый объяснительный принцип, ведь никакое объяснение природы не может быть сугубо механистическим. Сводись наши понятия действительно лишь исключительно к движению тел в пространстве, мы располагали бы только каузальными объяснениями; но нам приходится также учитывать концептуально отношения движения, что требует энергетической точки зрения⁵. Будь иначе, у нас не возникла бы необходимость изобретать понятие энергии.

[5] Преобладание одной или другой точки зрения зависит не столько от объективного взаимодействия явлений, сколько от психологической установки исследователя или мыслителя. Эмпатия ведет к механистическому взгляду, абстракция – к энергетическому. Оба взгляда подвержены ошибке гипостазирования собственных принципов вследствие убежденности в наличии так называемых объективных фактов опыта. Они ошибочно предполагают, что субъективное понятие о явлении тождественно свойствам самого явления; что, например, каузальность, какой мы ее воспринимаем, возможно объективно обнаружить во взаимодействии явлений. Эта ошибка чрезвычайно распространена и чревата непрекращающимися конфликтами с противоположным принципом; ведь, как уже было сказано, невозможно вообразить детерминирующий фактор, который одновременно будет каузальным и финальным. Однако это неприемлемое противоречие возникает лишь вследствие логически необоснованного и бездумного проецирования на объект обыденной точки зрения. Наши точки зрения остаются непротиворечивыми лишь в тех случаях, когда они ограничиваются сферой психологического и проецируются всего-навсего в качестве гипотез на объективное взаимодействие явлений. Принцип каузальности способен принять логическую инверсию, не допуская противоречия с самим собой, но факты не обладают подобной способностью; значит, каузальность и финальность с необходимостью исключают друг друга в конкретном объекте. С учетом хорошо известного принципа сведения различий к минимуму в целом принято идти на теоретически недопустимый компромисс, признавая те или иные процессы отчасти каузальными и отчасти финальными⁶ (такой компромисс порождает всевозможные теоретические гибриды, но предлагает, этого нельзя отрицать, относительно достоверную картину реальности⁷. Всегда следует помнить, что, несмотря на идеально вообразимое единство фактов и наших идей, объяснительные принципы суть не более чем точки зрения, то есть проявления психологической установки и априорных условий, при которых и осуществляется мышление.

В. Возможность количественных измерений в психологии

[6] Из сказанного должно быть достаточно ясно, что всякое явление надлежит рассматривать как с механистически-каузальной, так и с энергетически-финалистской точки зрения.

⁵ Конфликт между «энергетикой» и механистичностью оказывается продолжением давнего конфликта универсалий. Безусловно, верно, что отдельный предмет – единственное, «данное» нам в чувственном восприятии; в такой трактовке универсалия является всего-навсего поппе, именем, словом. Но одновременно сходства, то есть отношения между предметами, также нам «даны», и потому мы вправе считать универсалию реальностью (ср. «относительный реализм» Абельера). [П. Абельер – средневековый французский схоласт и богослов, в своей философии отстаивал индивидуальность идей, что, собственно, и позволило Юнгу охарактеризовать его как «относительного реалиста». – *Примеч. пер.*]

⁶ Финальность и каузальность представляют собой два возможных способа понимания, образующих антиномию. Они, соответственно, выступают как поступательный и обратный «интерпретанты» (Вундт), а потому как таковые противоречат друг другу. Естественно, это утверждение справедливо, только если предположить, что понятие энергии есть абстракция, выражающая какое-либо отношение («Энергия есть отношение»: *Von Hartmann*, 1869 г. 196). Но утверждение ошибочно, если принять гипостазированное понятие энергии, как, например, у Оствальда в «*Die Philosophie der Werte*».

⁷ «Различие между телеологической и каузальной точкой зрения на мир не является реальным различием и не подразумевает членение опыта на две принципиально различные области. Единственное различие между этими точками зрения носит формальный характер: каузальная связь дополняет всякое финальное взаимоотношение, и, наоборот, каждой каузальной связи возможно, если понадобится, придать телеологическую форму» (*Wundt*, 1902, г. 737).

Если брать шире, именно возможность достижения результатов сама по себе определяет, какую точку зрения следует предпочесть. Если, например, предметом обсуждения становится качественная сторона явления, то энергетическая точка зрения делается вторичной, поскольку она затрагивает не явления как таковые, а лишь количественные отношения их движения.

[7] Неоднократно и широко обсуждалось, могут ли душевные и психические явления быть предметом рассмотрения с энергетической точки зрения. Априорно у нас нет оснований полагать, что это невозможно, поскольку нет ни малейшего повода исключать психические явления из сферы объективного опыта. Само по себе психическое вполне может быть объектом опыта. Но, как показывает пример Вундта⁸, не будет заблуждением усомниться в применимости энергетической точки зрения к психическим феноменам, а если она все-таки применима, полезно спросить, может ли психика трактоваться как относительно закрытая система.

[8] Что касается первого вопроса, то я совершенно согласен с фон Гротом⁹, который одним из первых предложил понятие психической энергии, когда он говорит: «Понятие психической энергии столь же законно в науке, как и понятие энергии физической, и психическая энергия имеет такие же количественные меры и разнообразные формы, как и физическая»¹⁰.

[9] Что касается второго вопроса, я расхожусь с моими предшественниками-исследователями в том, что меня несколько не занимает стремление поместить психоэнергетические процессы в физическую систему. Подобного рода классификация мне неинтересна, поскольку мы в лучшем случае располагаем разве что смутными догадками о дальнейшем пути, поскольку у нас нет никакой реальной отправной точки. Безусловно, как мне представляется, психическая энергия так или иначе тесно связана с физическими процессами, но, чтобы рассуждать маломальски авторитетно об этой связи, нам требуется принципиально иной опыт и принципиально иное прозрение. Относительно же философской стороны данного вопроса скажу, что целиком поддерживаю мнение Буссе¹¹. Также считаю необходимым согласиться с Кюльпе, который говорит: «Таким образом, не имеет значения, вносится ли какое-то количество психической энергии в ход материального процесса или нет; закон сохранения энергии, как он формулировался до настоящего времени, от этого не страдает»¹².

[10] На мой взгляд, выявление психофизической связи представляет собой самостоятельную задачу, которая, вероятно, однажды будет решена. Впрочем, психолога не должно смущать это затруднение: он может рассматривать психическое как относительно замкнутую систему. В таком случае нам определенно предстоит порвать с «психофизической» гипотезой, которая кажется мне несостоятельной, поскольку ее эпифеноменалистский¹³ посыл явно унаследован от старомодного научного материализма. Поэтому, как полагают Лассвиц¹⁴, фон Грот и другие,

⁸ Ср. указ. соч. (прим. 5 выше. – *Ред.*).

⁹ Имеется в виду Н. Я. (фон) Грот, русский философ-идеалист, председатель Московского психологического общества, автор ряда статей для энциклопедии Брокгауза и Ефрона; ратовал за практическое использование психологии в тесной связи с медициной и физиологией. – *Примеч. пер.*

¹⁰ См. *Von Grot. Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie, Archiv für systematische Philosophie, IV.* [Рус. изд. и источник цитаты: *Грот Н.* Понятие о душе и психической энергии в психологии, 1897, кн. 37, с. 266. – *Ред.*]

¹¹ См.: *Busse. Geist und Körper, Seele und Leib.*

¹² *Külpe. Einleitung in die Philosophie*, p. 150. [Рус. пер. – *Кюльпе О.* Введение в философию. СПб., 1901.] Здесь автор произвольно толкует и искажает исходный текст – у Кюльпе дословно сказано лишь следующее: «Важнейшей из различных попыток спасти дуализм от конфликта с законом сохранения энергии представляется распространение понятия энергии на психические процессы и допущение, что происшедшая при произведении некоторого психического факта потеря физической энергии снова полностью возмещается благодаря обратному воздействию душевного на телесное. Это допущение постольку гармонирует вполне с эмпирической психологией, поскольку в последней приобрел значение аксиомы принцип психо-физического параллелизма, утверждающий, что между психическими и физическими явлениями существуют закономерные отношения такого именно характера, который требуется принципом причинности». О. Кюльпе – немецкий психолог и философ, основатель т. н. вюрцбургской школы функциональной психологии. – *Примеч. пер.*

¹³ То есть исходящий из убеждения, что ментальные явления обусловлены физическими процессами в мозгу. – *Примеч. пер.*

¹⁴ К. Лассвиц – немецкий писатель-фантаст, философ и популяризатор науки, своего рода «германский Азимов», опубли-

феномены сознания не имеют функциональных связей друг с другом, ведь они всего-навсего (! – К. Г. Ю.) «феномены, выражения, симптомы некоторых более глубоких функциональных взаимоотношений». Каузальные связи, существующие между психическими фактами, которые доступны наблюдению в любой момент, противоречат эпифеноменистской теории, обладающей фатальным сходством с материалистическим убеждением, будто психическое выделяется мозгом, как желчь выделяется печенью. Психологии, которая трактует психическое как эпифеномен, следовало бы именоваться психологией мозга и довольствоваться теми скудными результатами, каковые подобная психофизиология способна обеспечить. Психическое заслуживает, чтобы его воспринимали как феномен в своем праве; нет ни малейших оснований усматривать в нем простой эпифеномен, пускай оно, возможно, и зависит от функционирования мозга. Столь же несправедливо трактовать жизнь в качестве эпифеномена химических процессов, связанных с различными сочетаниями углерода.

[11] Непосредственный опыт количественных психических отношений, с одной стороны, и недоступная объяснению природа психофизической связи, с другой стороны, позволяют, по крайней мере, обосновать предварительный взгляд на психическое как на относительно замкнутую систему. Тут я оказываюсь в прямой оппозиции к психофизической энергетике фон Грота. Мне представляется, что здесь он вступает на зыбкую почву, и его дальнейшие замечания утрачивают достоверность. Тем не менее я хотел бы изложить читателю рассуждения фон Грота собственными словами последнего, поскольку они открывают нам точку зрения первооткрывателя этой трудной области знаний.

(1) Психические энергии обладают количеством и массой, подобно физическим энергиям.

(2) Будучи различными формами психической работы и психического потенциала, они способны трансформироваться друг в друга.

(3) Они могут быть преобразованы в физические энергии и наоборот посредством физиологических процессов¹⁵.

[12] Едва ли нужно добавлять, что третье утверждение очевидно представляется крайне спорным. При таком подходе лишь обыденная целесообразность покажет, возможна ли сама по себе энергетическая точка зрения или нет и сулит ли она какие-либо практические результаты¹⁶.

[13] Возможность точного количественного измерения физической энергии доказывает, что энергетическая точка зрения действительно приносит результаты в тех случаях, когда ее применяют к физическим явлениям. Но ведь возможно рассматривать физические явления как формы энергии даже в отсутствие точного количественного измерения, лишь при наличии возможности оценивать количества¹⁷. Зато, если бы это оказалось невозможным, от энергетической точки зрения пришлось бы отказаться, поскольку без возможности количественной оценки эта энергетическая точка зрения становится совершенно излишней.

ликовавший свыше 400 художественных, научно-популярных и научных работ на самые разные темы, от физики до психологии. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Grot Nicolas. Archiv fur systematische Philosophie. Berlin, 1898, p. 323.

¹⁶ Фон Грот заходит настолько далеко, что утверждает, будто «бремя доказательств возлагается на тех, кто отрицает психическую энергию, а не на тех, кто ее признает» (р. 324).

¹⁷ Примером может служить случай Декарта, который первым сформулировал принцип сохранения количества движения, но не располагал способами физического его измерения, которые были открыты лишь недавно.

а) Субъективная система ценностей

[14] Применимость энергетической точки зрения в психологии зависит, таким образом, исключительно от ответа на вопрос, возможна ли количественная оценка психической энергии или нет. Отвечать на этот вопрос следует безусловно утвердительно, поскольку наша психика действительно обладает необычайно хорошо развитой системой оценки, конкретно – системой *психологических ценностей*. Сами по себе ценности выступают как количественные оценки энергии. Здесь следует указать, впрочем, что в наших коллективных моральных и эстетических ценностях мы имеем в своем распоряжении не просто объективную систему ценностей, но объективную систему измерения. Однако эта система недоступна нам непосредственно, поскольку она представляет собой общую шкалу ценностей, которая вступает в действие лишь косвенно, на основании субъективных, то есть индивидуальных психологических состояний.

[15] Следовательно, прежде всего необходимо рассматривать субъективную систему ценностей, субъективные оценки, выносимые индивидуумом. Фактически мы способны до известного предела оценивать субъективную значимость наших психических состояний, пускай порой бывает чрезвычайно затруднительно измерить их с объективной точностью в сравнении с общепринятыми ценностями. Тем не менее, как уже было сказано, подобное сравнение для наших целей видится излишним. Мы можем сравнивать наши субъективные оценки друг с другом и определять их *относительную* ценность. Но такое измерение будет зависимым от оценки состояний, и потому его нельзя считать абсолютным и объективным; правда, для наших целей этого вполне достаточно, ведь различная интенсивность ценностей применительно к сходным качествам может опознаваться довольно уверенно, тогда как равнозначные ценности при тех же самых условиях явно сохраняют положение равновесия.

[16] Затруднения возникают лишь тогда, когда приходится сравнивать между собой ценностную интенсивность различных качеств, скажем, ценность научного воззрения в сравнении с ценностью чувственного впечатления. Здесь субъективная оценка становится зыбкой и, следовательно, ненадежной. Точно так же субъективная оценка ограничивается состоянием сознания, а потому она бесполезна для проявлений бессознательного, когда мы вынуждены так или иначе учитывать оценки, выходящие за пределы сознания.

[17] Впрочем, если вспомнить о компенсаторном взаимоотношении, существующем, как известно, между сознательным и бессознательным¹⁸, будет крайне важным отыскать способ определения ценности бессознательных явлений. Если мы желаем распространить энергетическую точку зрения на психические явления, то нужно не забывать о следующем чрезвычайно важном факте: осознаваемые ценности могут исчезать и никак не проявлять себя в соответствующих сознательных состояниях. В этом случае мы должны теоретически предполагать их появление в бессознательном. Но, поскольку бессознательное недоступно непосредственно ни нам самим, ни кому бы то ни было еще, оценка может быть только косвенной, и приходится прибегать к вспомогательным методам для вынесения ценностной оценки. При субъективной оценке на помощь немедленно приходят чувства и интуиция, которые суть функции с длительным периодом развития, достигшие высшей степени дифференцированности. Даже ребенок с ранних лет практикует дифференциацию своей шкалы ценностей, решает, кого больше любит – отца или мать, – кто стоит для него на втором и третьем месте, кого он больше всех ненавидит и т. д. Такая сознательная оценка не просто опровергает любые проявления бессознатель-

¹⁸ Односторонность сознания компенсируется контрпозицией в бессознательном. Прежде всего факты из области психопатологии яснее прочих демонстрируют эту компенсаторную установку бессознательного. Подтверждения данному выводу можно найти в работах Фрейда и Адлера, а также в моей «Психологии раннего слабоумия». [Рус. пер. – Юнг. К. Г. Психология раннего слабоумия // Избранные труды по аналитической психологии / Под ред. Э. Метнера. Том I. Цюрих, 1939. – Ред.] Теоретическое обсуждение проблемы см. в моей статье «Инстинкт и бессознательное» в данном томе. Об общем значении психологической компенсации см.: *Maeder. Regulation psychique et guérison.*

ного, но и фактически побуждает принимать самоочевидные ложные оценки, известные также как «вытеснения» или «смещение аффекта». Поэтому субъективная оценка совершенно не годится для оценивания бессознательных ценностных интенсивностей. Значит, нам требуется объективная отправная точка, которая сделает возможной косвенную, но объективную оценку.

в) Объективная оценка количества

[18] В своих исследованиях феноменов ассоциации¹⁹ я показал, что существуют различные сочетания психических элементов, сгруппированных вокруг эмоционально заряженных состояний²⁰ (в моей терминологии это «комплексы»). Эмоционально заряженное состояние, или комплекс, состоит из ядерного элемента и множества вторичных, дополнительных и сгруппированных ассоциаций. Ядерный элемент, в свою очередь, включает в себя две составляющие: во-первых, это фактор, определяемый опытом и каузально соотносящийся с окружающей индивидуума средой; во-вторых, это фактор, присущий характеру индивидуума и определяемый его склонностями.

[19] Ядерный элемент характеризуется собственной заряженностью, эмфатичностью, которая порождается интенсивностью аффекта. Эта эмфатичность, выражаемая посредством энергии, есть некоторое ценностное качество. Насколько ядерный элемент вообще сознателен, настолько возможно субъективно измерить количество, по крайней мере относительно. Но если, как часто случается, ядерный элемент бессознателен²¹, во всяком случае по своей психологической значимости, то субъективная оценка становится невозможной, и приходится вместо нее прибегать к косвенным методам оценивания. В сущности, объяснением здесь служит следующий факт: ядерный элемент автоматически создает комплекс в том смысле, что аффективно заряжается и обладает энергетической ценностью, как я подробно показал во второй и третьей частях своей работы «Психология раннего слабоумия». Ядерный элемент обладает группирующей силой, которая соотносится с его энергетической ценностью. Он производит специфическую группировку психических состояний, тем самым порождая комплекс, который, как группа психических состояний, динамически обусловлен их энергетической ценностью. Впрочем, итоговая комбинация состояний будет не просто проекцией

¹⁹ См.: Собрание сочинений, том 2. – *Примеч. ред. швейцарского издания.*

²⁰ См. мои работы по психиатрии (Собрание сочинений, том 16, работы 1930-х гг. – *Ред.*).

²¹ То обстоятельство, что комплекс или его основное ядро могут быть бессознательными, не является самоочевидным фактом. Комплекс нельзя признавать комплексом, если он не обладает определенной, даже значительной аффективной интенсивностью. Обычно считают, что энергетическая ценность автоматически наделяет комплекс сознанием, что сила притяжения, внутренне ему присущая, добивается осознанного внимания к себе. (Силловые поля взаимно притягивают друг друга!) Как показывает практический опыт, зачастую дело обстоит иначе, и тут требуется отдельное пояснение. Ближайшее и простейшее объяснение содержит теория вытеснения Фрейда. Данная теория предполагает наличие контрпозиции в сознательном разуме: сознательная установка, так сказать, враждебна бессознательному комплексу и не позволяет ему обрести сознание. Эта теория, несомненно, объясняет множество клинических случаев, но из моего опыта мне известно несколько примеров, которые нельзя объяснить подобным образом. На самом деле, теория вытеснения принимает во внимание только те случаи, в которых некое состояние, само по себе вполне способное стать сознательным, или совершенно сознательно вытесняется и делается бессознательным, или с самого начала не достигает осознанности. Эта теория не учитывает случаи, когда состояние высокой энергетической интенсивности возникает из бессознательного материала, который сам по себе не способен стать сознательным и потому вообще не может быть осознан (или только через преодоление существенных затруднений). В таких случаях сознательная установка, вряд ли враждебная бессознательному состоянию, обычно самым благосклонным образом расположена к нему, как, например, бывает с плодами творчества, которые, как нам известно, почти всегда зарождаются в бессознательном. Будущая мать страстно ожидает рождения своего ребенка и тем не менее производит его на свет в муках и страданиях, а новое, творческое состояние, несмотря на готовность сознающего разума, может на протяжении длительного срока оставаться в бессознательном, не будучи «подавляемым». Обладая высокой энергетической ценностью, оно не спешит стать осознанным. Случаи подобного рода не слишком трудно объяснить. Поскольку состояние является новым и, следовательно, чуждым для сознания, оно лишено устоявшихся ассоциаций и связующих мостов к сознательным состояниям. Все эти связи необходимо сначала проложить, предпринимая немалые усилия, поскольку без них никакое сознание невозможно. Значит, при объяснении бессознательности комплекса нужно учитывать два основных соображения: (1) вытеснение состояния, способного стать сознательным, и (2) чуждость состояния, еще не получившего способность обрести сознание.

психических стимулов, но результатом отбора стимулируемых психических состояний, обусловленных *качеством* ядерного элемента. Такой отбор, разумеется, невозможно объяснить посредством энергии, поскольку энергетическое объяснение носит количественный, а не качественный характер. Для количественного объяснения необходимо вернуться к каузальному подходу²². Следовательно, предположение, на которое опирается объективная оценка психологических ценностных интенсивностей, должно гласить: *группирующая сила ядерного элемента соответствует его ценностной интенсивности, то есть его энергии*.

[20] Но какими именно способами оценки энергетической ценности группирующей силы, что обогащает комплекс ассоциациями, мы на самом деле располагаем? Мы можем оценивать это количество энергии разнообразными способами: (1) по числу группировок, произведенных ядерным элементом; (2) по сравнительной частоте и интенсивности реакций, указывающих на расстройство или комплекс; (3) по интенсивности сопутствующих аффектов.

[21] 1. Данные, необходимые для определения сравнительного количества группировок, могут быть получены частично за счет прямого наблюдения, а частично за счет аналитических выводов. Иными словами, чем чаще встречаются группировки, обусловленные одним и тем же комплексом, тем выше должно быть его психологическое значение (*wertigkeit*).

[22] 2. Реакции, указывающие на расстройство или комплекс, не ограничиваются лишь симптомами, которые проявляются в ходе ассоциативного эксперимента. Эти симптомы, по существу, выступают следствиями возникновения комплекса, и их свойства определяются конкретным типом эксперимента. Нас больше интересуют явления, свойственные психологическим процессам за пределами экспериментальных условий. Фрейд описывал большую их часть как речевые оговорки, описки, ошибки памяти, неверные истолкования произнесенных слов и прочие симптоматические действия. Сюда следует добавить автоматизмы, описанные мною, – «отключение мысли», «постепенный запрет на говорение», «нелепая болтовня»²³ и т. п. Как я показал в своих ассоциативных экспериментах, интенсивность подобных явлений может непосредственно определяться временем их регистрации, но то же самое наблюдается и в случае неограниченной по протяженности психологической процедуры, когда мы с часами в руках непринужденно определяем ценностную интенсивность тех или иных ощущений по времени, которое требуется пациенту для разговора о них. Мне могут возразить, что пациенты склонны тратить время на пустую болтовню с целью уклониться от основного вопроса обсуждения, но это лишь подчеркивает, насколько важны для них такие вот пустяки. Наблюдатель обязан воздерживаться от произвольных оценок, от принятия реальных интересов пациента за посторонние мелочи в соответствии с каким-нибудь субъективным теоретическим допущением некоего аналитика. Определяя ценности, он должен строго следовать объективным критериям. Так, например, если пациент несколько часов подряд жалуется на своих слуг, вместо того чтобы затронуть суть дела, которую, быть может, совершенно точно установил работающий с пациентом аналитик, то это означает всего-навсего, что «комплекс слуг» имеет для пациента куда большую энергетическую ценность, нежели тот бессознательный конфликт, который, возможно, откроется в качестве ядерного элемента позднее, в ходе длительного курса лечения, или что торможение со стороны высоко ценимой сознательной позиции помещает ядерный элемент в бессознательное состояние посредством сверхкомпенсации.

[23] 3. Для определения интенсивности сопутствующих аффективных явлений мы располагаем объективными методами, которые, пусть они не измеряют количество аффекта, позво-

²² Или к гипостазированному понятию энергии, которого придерживается, например, Оствальд. Но здесь едва ли удастся обойтись без понятия субстанции, необходимого для каузально-механистического способа объяснения, поскольку «энергия» по своей сути есть понятие, связанное исключительно с количеством. [В. Ф. Оствальд – немецкий химик, физик и философ-идеалист, организатор и популяризатор науки; в философии выступал за «энергетизм» как противоядие материализму и идеализму: единственная реальность – это энергия, а материя и дух – лишь ее проявления. – *Примеч. пер.*]

²³ Ср.: «Психология раннего слабоумия», абз. 175 и далее.

ляют производить оценку последнего. Экспериментальная психология обеспечила нас целым рядом таких методов. Помимо измерений времени реакций, определяющих торможение ассоциативного процесса, а не фактические аффекты, у нас имеются, в частности, следующие методики:

- (а) замер кривой пульса²⁴;
- (b) замер кривой дыхания²⁵;
- (с) отслеживание психогальванического феномена²⁶.

[24] Легко распознаваемые изменения этих кривых позволяют наблюдателю выполнять, вмешиваясь в происходящее, оценку интенсивности расстройства, страдающего пациента. Также допустимо (к нашему глубокому удовлетворению, это показывает опыт) преднамеренно вызывать у субъекта аффективное состояние посредством психологических стимулов, которые, как известно, специально заряжаются аффектом для данного индивидуума по отношению к экспериментатору²⁷.

[25] Помимо указанных экспериментальных методов мы обладаем высоко дифференцированной субъективной системой распознавания и оценки аффективных явлений в других. Каждый из нас наделен непосредственным «регистрирующим» инстинктом, которым также обладает и большинство животных, причем они различают эти явления не только внутри собственного вида, но и в других животных, равно как и в человеческих существах. Мы способны улавливать в окружающих малейшие эмоциональные колебания и очень тонко чувствуем качество и количество аффектов в наших ближних.

²⁴ Ср.: *Berger*. Über die körperlichen Aeusserungen psychischer Zustände; *Lehmann*. Die körperlichen Aeusserungen psychischer Zustände.

²⁵ См.: *Peterson and Jung*. Psycho-physical Investigations with the Galvanometer and Pneumograph in Normal and Insane Individuals; *Nunberg*. Über körperliche Begleiterscheinungen assoziativer Vorgänge; *Ricksher and Jung*. Further Investigations on the Galvanic Phenomenon.

²⁶ См.: *Veraguth*. Das psycho-galvanische Reflexphänomen; *Binswanger*. Über das Verhalten des psychogalvanischen Phänomens beim Assoziationsexperiment.

²⁷ См.: Diagnostischen Assoziationsstudien // *Collected Papers on Analytical Psychology*, кр. II.

II. Применение энергетической точки зрения

А. Психологическое понятие энергии

[26] Термин «психическая энергия» имеет давнее употребление. Мы находим его, например, уже у Шиллера²⁸, а энергетическая точка зрения свойственна также для фон Грота²⁹ и Теодора Липпса³⁰. Причем Липпс различал психическую и физическую энергию, тогда как Штерн³¹ оставлял вопрос об их связанности открытым. Мы должны поблагодарить Липпса за различие между психической *энергией* и психической *силой*. Для Липпса психическая сила есть возможность возникновения неких душевных процессов и возможность достижения определенного результата. С другой стороны, психическую энергию Липпс определяет как «присущую этим процессам способность вызывать данную силу в себе»³². В ином месте Липпс пишет о «количественных свойствах психического». Различение силы и энергии является концептуальной необходимостью, поскольку энергия – это именно понятие, как таковая она не существует объективно в самих явлениях, но проявляет себя в специфических данных опыта. Иначе говоря, энергия всегда воспринимается конкретно в качестве движения и силы, если она актуальна, или в качестве состояния или условия, когда она потенциальна. В актуальном положении психическая энергия проявляется в особых динамических сторонах души, будь то инстинкт, желание, волеизъявление, аффект, внимание, способность к работе и т. д., которые вместе образуют психические силы. В потенциальном положении энергия проявляется в специфических достижениях, возможностях, склонностях, установках и т. д., которые суть ее разнообразные состояния.

[27] Дифференциация специфических энергий – таких как энергия удовольствия, энергия ощущения, энергия противоречия и т. д., – предлагаемая Липпсом, представляется мне теоретически недопустимой, поскольку специфические формы энергии на самом деле суть не что иное, как упомянутые выше силы и состояния. Энергия – количественное понятие, которое включает в себя все перечисленное. Только указанные силы и состояния получают качественное выражение, ибо выступают как понятия, обозначающие качества, которые активизируются посредством энергии. Концепция количества ни при каких обстоятельствах не может быть одновременно качественной, иначе она не позволит нам прояснять взаимоотношения сил, а ведь последнее и есть ее подлинная функция.

[28] К сожалению, мы не в состоянии научно обосновать, что между физической и психической энергиями существует отношение эквивалентности³³, и потому выбор у нас невелик:

²⁸ Шиллер, можно сказать, мыслил в понятиях энергии. Он оперирует идеями вроде «расходования интенсивности» и т. п. Ср.: *Über die aesthetische Erziehung des Menschen*. [Рус. пер. – Шиллер Ф. Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. Письма об эстетическом воспитании человека. М., 1957. Ф. Шиллер – виднейший немецкий теоретик искусства, философ, поэт и драматург, предшественник романтизма. – *Ред.*]

²⁹ См.: *Von Grot. Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie*.

³⁰ См.: *Lippis T. Leitfaden der Psychologie*, p. 62, 66 и далее. [Рус. пер. – Липпс Т. Руководство к психологии. СПб., 1907. Т. Липпс – немецкий философ и психолог, сторонник психофизического параллелизма, считал психологию основой всех «философских» наук. – *Ред.*]

³¹ *Stern W. Über Psychologie der individuellen Differenzen*, p. 119 и далее. [Рус. пер. – Штерн В. О психологии индивидуальных различий // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1906. № 7. – *Ред.*] [Уильям (Вильям) Л. Штерн – немецкий психолог и философ, один из основоположников психологии личности. – *Примеч. пер.*]

³² *Leitfaden der Psychologie*, p. 36 (изд. 1903 г.).

³³ Мэдер полагает, что «творческая активность» организма, в особенности творческая активность психического, «больше расходуемой энергии». Он также считает, что применительно к психическому возможно рассуждать о принципах сохранения и энтропии, равно как и о третьем принципе, а именно о принципе интеграции. См.: *Heilung und Entwicklung im Seelenleben*, p. 50 и 69. [А. Мэдер – швейцарский психиатр и психоаналитик, был помощником Юнга, а ранее помогал «изобретателю»

либо мы полностью отказываемся от энергетической точки зрения, либо допускаем существование некой особой психической энергии (безусловно, гипотетически такое вполне возможно). Как отмечал Липпс, психология на тех же основаниях, что и физика, вправе выстраивать собственный понятийный аппарат, но лишь до той степени, в которой энергетическая точка зрения доказывает свою значимость и не сводится к простому подытоживанию результатов в виде неопределенного общего понятия, на что справедливо указывал Вундт. Тем не менее мы придерживаемся мнения, что энергетическая точка зрения на психические феномены ценна возможностью распознавать те самые количественные отношения, существование которых в психике, быть может, нельзя отрицать, но которые легко пропустить при чисто качественной оценке.

[29] Далее, если психическое состояло бы, как утверждают исследователи сознательного разума, из сугубо сознательных процессов (при допущении кое-где «темных зон»), то мы могли бы удовлетвориться постулированием наличия «особой психической энергии». Но, раз нас убедили, что бессознательные процессы также относятся к области психологии, а не только к области физиологии мозга (в качестве субстратных³⁴ процессов), мы фактически обязаны обеспечить нашему понятию энергии более обширное обоснование. Мы полностью согласны с Вундтом в том, что существуют некие явления, которые мы сознаем крайне смутно. Вслед за ним мы принимаем шкалу ясности сознательных состояний, но психическое для нас вовсе не прекращается там, где начинается темнота, – оно продолжается прямым в бессознательное. Еще мы уступаем положенное психологии мозга, исходя из предположения, что бессознательные функции в конечном счете воплощаются в субстратных процессах, которым возможно приписать те или иные психические качества лишь в рамках философской гипотезы панпсихизма.

[30] При определении понятия психической энергии мы сталкиваемся, таким образом, с определенными затруднениями, поскольку у нас нет ни малейших способов отделить чисто психическое от биологического процесса как такового. Биологию, как и психологию, тоже можно рассматривать с энергетической точки зрения, но ровно настолько, насколько биолог считает такую точку зрения полезной и ценной. Подобно психическому, сам жизненный процесс в целом не выказывает признаков какого-либо точно выявляемого взаимоотношения эквивалентности с физической энергией.

[31] Если впредь придерживаться границ научного здравомыслия и избегать философских умозрений, способных увести очень далеко, правильнее всего, вероятно, рассматривать психический процесс как один из вариантов жизненного процесса. Тем самым мы расширим более узкое понятие психической энергии до понятия жизненной энергии, которое будет включать в себя «психическую энергию». В результате мы обретем возможность опираться на количественные отношения за пределами узких рамок психического, в области общих биологических функций, благодаря чему можем оценить по достоинству, если понадобится, давно обсуждаемую и вездесущую проблему «духа и тела».

[32] Понятие жизненной энергии не имеет ничего общего с так называемой жизненной силой, поскольку последняя, будучи *силой*, есть (или была бы) всего-навсего специфическая форма всеобщей энергии. Воспринимать жизненную энергию подобным образом и, следовательно, перекидывать мостик над пропастью между физическими процессами и жизненными процессами (а эта пропасть до сих пор зияет) означало бы пренебрегать особыми требованиями биоэнергетики, противопоставляемой физической энергетике. Посему я предложил, ввиду психологического применения данного понятия, называть эту гипотетическую жизнен-

шизофрении Э. Блейлеру. – Примеч. пер.]

³⁴ То есть лежащих в основе чего-либо. – Примеч. пер.

ную энергию «либидо»³⁵. В известной степени я отличаю это понятие от понятия всеобщей энергии, отстаивая таким образом право биологии и психологии формировать собственный понятийный аппарат. Принимая такое словоупотребление, я никоим образом не желаю вмешиваться в область исследований биоэнергетики и открыто признаю, что заимствовал термин «либидо» с намерением использовать его для *наших* целей; а для целей других подойдет, быть может, какой-то термин наподобие «биоэнергии» или «витальной энергии».

[33] Здесь необходимо предостеречь читателя от возможности неверного истолкования моих слов. Я ни в коем случае не намерен в настоящей работе углубляться в обсуждение противоречивой ситуации с психофизическим параллелизмом и взаимовыгодными действиями. Указанные теории представляют собой умозрения относительно возможности духа и тела функционировать совместно или бок о бок; они затрагивают ту самую тему, которой я осознанно избегаю, а именно, существует ли психоэнергетический процесс независимо от физического процесса или включен в последний. На мой взгляд, об этом нам практически ничего не известно. Подобно Буссе³⁶, я считаю идею взаимовыгодного, реципрокного взаимодействия обоснованной и не нахожу причин ставить под сомнение ее достоверность посредством гипотезы психофизического параллелизма. Психотерапевту, чья специфическая область деятельности относится как раз к этой ключевой сфере взаимодействия духа и тела, представляется в высшей степени вероятным, что психическое и физическое существуют не параллельно и независимо друг от друга, что они в значительной мере связаны между собой реципрокными действиями, хотя подлинную природу таких взаимоотношений еще предстоит поместить в пределы нашего опыта. Исчерпывающие дискуссии по этому вопросу, возможно, чрезвычайно интересны для философов, но эмпирической психологии надлежит ограничиться эмпирически доступными фактами. Даже если мы пока не преуспели в доказательстве того, что процессы в области психической энергии включены в физический процесс, противники данной гипотезы тоже не смогли отделить психическое от физического сколько-нибудь убедительно.

В. Сохранение энергии

[34] Если мы приступаем к рассмотрению психического жизненного процесса с энергетической точки зрения, не следует удовлетворяться лишь понятием энергии как таковым; мы должны также взять на себя обязательство по проверке применимости этого понятия к эмпирическому материалу. Энергетическая точка зрения бесплодна, если выясняется, что ее основной принцип – сохранение энергии – неприменим. Здесь мы должны последовать предложению Буссе и провести различие между принципом эквивалентности и принципом постоянства³⁷. Принцип эквивалентности гласит, что «на данное количество энергии, расходуемое или потребляемое с целью вызвать определенное состояние, существует где-то равное количество той же самой или иной формы энергии», а принцип постоянства утверждает, что «общая сумма энергии остается неизменной и не подвержена ни возрастанию, ни убыванию». Значит, принцип постоянства является логически необходимым, но обобщающим при этом выводом из принципа эквивалентности и не столь важен на практике, поскольку наш опыт всегда опирается исключительно на частное восприятие.

[35] Для наших целей непосредственный интерес представляет только принцип эквивалентности. В своей книге «Метаморфозы и символы либидо»³⁸ я продемонстрировал возможность рассмотрения определенных процессов развития и иных трансформаций подобного

³⁵ От лат. *libido* – страсть, (телесное) влечение. – *Примеч. ред.*

³⁶ См.: Geist und Körper, Seele und Leib.

³⁷ Там же.

³⁸ Новое издание: Символы трансформации. См., в частности: Ч. II, гл. III, абз. 204 и далее. [Рус. пер. – Юнг К. Г. Символы трансформации. М., 2000. – *Ред.*]

типа с точки зрения принципа эквивалентности. Не стану повторять *in extenso*³⁹ уже сказанное, лишь подчеркну снова, что исследование Фрейдом сексуальности внесло значительный вклад в разработку данной проблемы. Нигде за пределами отношения сексуальности к психическому мы не видим, чтобы с исчезновением того или иного количества либидо происходило появление эквивалентной ценности в иной форме. К несчастью, вполне понятное чрезмерное внимание к сексуальности побудило Фрейда свести трансформации прочих специфических психических сил, так или иначе соотносящихся с сексуальностью, к сугубой сексуальности, и это навлекло на него отчасти оправданное обвинение в пансексуализме. Недостаток фрейдовского взгляда заключается в односторонности, к которой неизменно тяготеет механистически-каузальная точка зрения; иначе говоря, перед нами всеупрощающее *reductio ad causam*⁴⁰, которое, чем оно вернее, проще и шире по охвату, тем менее отдает должное результату, подобным образом анализируемому и редуцируемому. Всякий, кто внимательно читал работы Фрейда, осознает, сколь важную роль в структуре его теорий играет принцип эквивалентности. Это особенно хорошо заметно в его исследованиях клинических случаев, когда он приводит описания вытеснений и замещающих их образований⁴¹. Любой, обладающий практическим опытом в этой области, знает, что принцип эквивалентности обладает важнейшей эвристической ценностью при лечении неврозов. Даже если мы обращаемся к нему не всегда осознанно, применяем мы этот принцип инстинктивно или руководствуясь чувством. Например, когда сознательная ценность – скажем, перенос – уменьшается или фактически полностью исчезает, мы немедленно принимаемся искать нечто замещающее, рассчитывая увидеть эквивалентную ценность, которая проявляется где-либо еще. Замену подыскать нетрудно, если замещающее нечто оказывается сознательным состоянием, но зачастую некое количество либидо исчезает целиком, по всей видимости, не образуя замены. В этом случае замена осуществляется бессознательно; как обычно случается, пациент попросту не осознает того, что какой-то новый психический факт выступает в качестве соответствующего замещающего образования. Но бывает и так, что значительное количество либидо исчезает, словно бы полностью поглощенное бессознательным, не порождая взамен никакой новой ценности. В подобных ситуациях полезно твердо придерживаться принципа эквивалентности, поскольку внимательное наблюдение за пациентом вскоре выявит признаки бессознательной активности, к примеру, интенсификацию определенных симптомов, или появление нового симптома, или особенные сновидения, или странные, быстро исчезающие фантазии и т. п. Если аналитик сумеет предъявить эти скрытые состояния сознательному разуму, то обычно удастся показать, что либидо, которое исчезло из сознания, порождало в бессознательном некие плоды, которые, несмотря на все отличия, имеют немало общих черт с сознательными состояниями, утратившими свою энергию. Выглядит так, будто либидо увлекает за собой в бессознательное некоторые качества, нередко столь четко выраженные, что по их характеру возможно определить источник либидо, ныне стимулирующего бессознательное.

[36] Имеется немало поразительных и широко известных примеров подобных трансформаций. Так, когда ребенок начинает субъективно отделяться от своих родителей, у него возникают фантазии о замене родителей, и эти фантазии почти всегда переносятся на реальных людей. Переносы такого рода оказываются несостоятельными в долговременной перспективе, поскольку созревающая личность должна свыкнуться с родительским комплексом и обрести авторитет, ответственность и независимость. Он или она должны сами стать отцом или матерью. Другой областью, богатой на поразительные примеры, является психология христианства, в которой подавление инстинктов (то есть примитивной инстинктивности) ведет к религи-

³⁹ Здесь: подробно (лат.). – Примеч. ред.

⁴⁰ Сведение к причинам (лат.). – Примеч. ред.

⁴¹ См.: Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre [ср.: Collected Papers, I–IV].

озным замещениям, скажем, к средневековой *Gottesminne*, «любви к Господу», сексуальный характер которой не заметит только слепой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.